

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(495).01

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЧНО-РИМСКОЙ И РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СЕВЕРНОМ ПОНТЕ (СЕР. III – VI ВВ.)

Н.Н. БОЛГОВ

Белгородский государственный университет

bolgov@bsu.edu.ru

Работа посвящена рассмотрению основных проблем внешней политики Восточно-Римской и Ранневизантийской империи по отношению к Северному Причерноморью – позднеантичным государствам и соседними с ними племенами – в период Великого переселения народов (сер. III – VI вв.). Эта политика менялась от традиционной римской имперской в финальной фазе, через этап дипломатии племен к инкорпорации позднеантичных центров в состав Ранней Византии. Главной причиной изменений этой политики была трансформация самой империи и различные возможности государства для проведения активной внешней политики.

Ключевые слова: империя, Понт, Причерноморье, Боспор, Херсонес, варвары, политика, дипломатия, Византия.

Северный Понт и Рим в конце III – IV вв. В первые века н.э. римский мир объединил под своим управлением практически все охваченные античной цивилизацией территории Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Возникшая как береговая, приморская культура¹, античная цивилизация расширяла свои границы не только путем прямых завоеваний, но и на основе постепенного развития хозяйства и включения новых территорий в единую экономическую систему Средиземноморья. Сложилась система «ойкумена – варвары» или «центр – периферия – дальняя периферия»².

Государства, существовавшие на периферии античного мира, могут быть охарактеризованы как клиентские («вассальные») по статусу и буферные по геополитическому положению. В эпоху поздней античности пояс периферийных государств сохранялся лишь на восточных рубежах Римской империи, где выполнял роль буфера по отношению к иранскому миру (империи Сасанидов). Здесь буферные государства обладали большей самостоятельностью, чем просто периферийные, были более открыты в культурной и идеологической областях. Можно вести речь о целой полосе буферных государств Востока от Боспора на севере до Аравии на юге (Апсилия, Абасгия, Лазика, Иберия, Армения, сирийские княжества, арабские

¹ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923. С. 5.

² См.: Shils E. Center and periphery. Chicago, 1975.

клиентские государственные образования)³. Несмотря на значительные внутренние различия, их отношения с империей были в принципе однотипны⁴.

Во внешней политике Римской империи в принципе все прочие государства и общества рассматривались как чуждые, а в мировоззренческом плане – варварские. Поэтому выделить пласт отношений империи с варварами Северного Понта в принципе несложно. Более труден вопрос об отношениях империи с античными центрами Северного Причерноморья, так как, с одной стороны, это часть общей внешней политики, т.е. имеет общие черты с политикой в отношении варваров. С другой стороны, можно попытаться выделить специфические черты политики в отношении единственного античного региона, оставшегося вне непосредственной политической власти империи. Ментально же и культурно эти земли рассматривались как часть античного мира⁵.

На Боспоре после окончания набегов германцев (ок. 276 г.), очевидно, восстановилась политическая и военная зависимость Боспора от империи. Боспорские монеты выпускались с изображением на одной стороне портрета боспорского царя, на другой – императора.

Константин Багрянородный помещает на конец III – I пол. IV вв. ряд войн Херсонеса, за спиной которого стояла империя, против Боспора, проводившего антиримскую политику⁶. Ряд исследователей принимают этот тезис. Другие отрицают возможность активной политики Рима в регионе. Признавая все недостатки источника, мы все же считаем, что ряд археологических реалий, служащих аргументами «за», нуждается в дополнительной интерпретации⁷.

Важным источником может служить надпись Валерия Аврелия Сога от 603 г. боспорской эры (осень 305 - осень 306 гг.)⁸ (КБН 64). Эта надпись относится к ближайшему времени после отречения Диоклетиана и Максимиана, когда августи стали Галерий и Констанций Хлор. Употребление в ней слова «епархия» дало возможность специалистам высказать ряд соображений о политическом статусе Боспора в начале IV в. В частности, было высказано мнение о том, что в это время Рим опять (после Нерона) ввел на Боспоре прямое правление и дал стране статус провинции. В надписи действительно чувствуется сильная зависимость от Рима или, во всяком случае, заметный сервиллизм. В.В. Латышев отмечает, что Сого особенно гордится тем, что получил какие-то почести от Диоклетиана и Максимиана. Интересно, что Сого носил те же римские *potina*, какие были у августи Максимиана. Исполнив должность наместника Феодосии, Сого вошел в число высших боспорских царедворцев. Латышев делает вывод об усилении римского влияния на Боспоре, но при этом подчеркивает, что «продолжало существовать Боспорское государство»⁹.

Б.И. Надэль предполагает проведение Римом активной политики в Северном Причерноморье при Диоклетиане и в связи с этим допускает некоторое ограничение власти боспорских царей в то время по аналогии с восточной политикой Нерона в 62-68 гг.¹⁰ Встает вопрос о причинах полного молчания о боспорском царе в надписи Сога, хотя в надписях подобного типа упоминание формулы с именем царя было обязательным. Так как нам достоверно известно, что царская власть на Боспоре в то время существовала, то умолчание о ней было вызвано какими-то политическими обстоятельствами, вероятнее всего - борьбой антиримских и проримских сил. Сам факт того, что один из высших боспорских сановников в течение долгого времени, по-видимому, находился на службе у

³ Подробнее см.: Болгов Н.Н. К истории клиентских государств на восточной периферии позднеантичного мира (IV-VI вв.): дескриптивный обзор // Вопросы всеобщей истории и политологии. Белгород, 1997. С. 35-48.

⁴ Подробнее см.: Randsborg K. The first Millenium AD in Europe and the Mediterranean. An archaeological essay. Cambr., 1991.

⁵ Иванов С.А. Восприятие пределов Империи: от Рима к Византии // Славяне и их соседи. Вып. 8. М., 1998. С. 5-6.

⁶ О состоянии империи в этот период см.: Corcoran S. The Empire of the Tetrarchs: Imperial Pronouncement and Government AD 284-324. Oxf., 1996.

⁷ Болгов Н.Н. Херсонес, Боспор и Рим в конце III – I трети IV вв. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 9-15.

⁸ Латышев В.В. Эпиграфические новости из Южной России. Находки 1901-03 гг. // Известия Археологической Комиссии (ИАК). 10. 1904. С. 127. № 21.

⁹ Там же.

¹⁰ Надэль Б.И. Из политической истории Боспорского государства в Крыму в начале IV в. // Acta Antiqua. T. 9, ч. 1-2. Budapest, 1961. С. 236.

римских императоров, очень показателен¹¹. Само собой напрашивается предположение о том, что Сог был одним из вождей боспорских изгнанников - сторонников проримской ориентации, осевших в Феодосии, слабо контролировавшейся боспорскими царями. На это, видимо, указывает и Псевдо-Арриан, говоря в V-VI вв. о том, что в Феодосии «жили некогда и изгнанники из Боспора». Была ли Феодосия отторгнута от Боспора в конце III в.¹² или в 30-е гг. IV в., в связи с чем, и каков был ее статус? Точного ответа пока нет. Все же было бы правильнее считать Сога боспорским наместником Феодосии или признать эту микрозону в значительной степени автономной¹³.

Об усилении позиций Рима на Боспоре свидетельствует также надпись КБН 1051 от 307 г. В ней употребляются римские названия двух столиц Боспора времен Августа - Кесария и Агриппия. Это кажется весьма удивительным через три столетия после первого упоминания. Вызывает интерес и формулировка, указывающая на существование автономных гражданских общин. Эта надпись также послужила в свое время аргументом в пользу гипотезы о переходе Боспора под прямое римское правление в начале IV в. Надпись имеет подчеркнута проримский характер. Отсутствует имя боспорского царя. Но, вместе с тем, под надписью вырезан тамгообразный знак¹⁴. Все это в целом отражает усиление римского влияния на Боспоре в начале IV в. Видимо, при Фофорсе проявились в последний раз старые претензии Боспора на гегемонию во всей Таврике¹⁵, которые восходили ко времени Митридата и оживились после падения царства поздних скифов. Риму так или иначе удалось пресечь эти тенденции.

В IV в. боспорская знать стремилась всячески показать и подчеркнуть свою связь с империей. Это отражено и в монетных типах¹⁶, и в сохранении клиентского статуса.

В 322 г. на Дунае херсонесские войска помогли Риму отразить каких-то северопричерноморских варваров (Zos. II. 21; Anon. Vales. 5, 21; Const. Porph. De Adm. imp. 53) Зубарь считает, что в данном столкновении варваров возглавлял бывший боспорский царь, именуемый Зосимом Равсимод¹⁷. Если это так, то можно было бы видеть в этом царем Радамсада, окончательно отстраненного от власти проримскими кругами Боспора во главе с Рескупоридом VI. Всякие предположения здесь, однако, очень гипотетичны (А.А. Васильев, например, полагал, что сарматы Зосима, напавшие в 322 г. на империю - это готы, причем крымские¹⁸). О.В. Шаров показал, что речь здесь идет о двух событиях: сарматы в 322 г. прорвались в Паннонию¹⁹, а готы в 323 г. - через Дунай. В обоих случаях боспорского царя, сражавшегося против римлян, не было²⁰. В.В. Лавров указывает, что в источниках речь идет именно о меотийских варварах²¹.

Действительно, в 322 г. Константин отразил сарматов-язигов в Паннонии, а весной 323 г. на империю напали готы-тервинги во главе с Равсимодом. И этот рейд был разгромлен на варварской территории, а сам Равсимод погиб (СTh. VII. 1, 1). А.Х.М. Джоунз считает Равсимода сарматским вождем (PLRE. I, p. 762), однако, в пользу готского происхождения выступают Х. Вольфрам и Ф. Пашу²².

¹¹ Блаватский В.Д. Боспор в позднеантичное время // Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 247.

¹² Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. К., 2000. С. 15.

¹³ Петрова Э.Б. Менестрат и Сог // Боспорские исследования (БИ). I. Симферополь, 2001. С. 50-51.

¹⁴ Соломоник Н.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. К., 1959. С. 75. Рис. 30.

¹⁵ Крыкин С.М. Проблема сущности боспорского протектората в античном Северном Причерноморье // Проблемы исследований античных городов. М., 1989. С. 60-61.

¹⁶ См.: Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. Т. 2. М., 1997, ряд ее статей.

¹⁷ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя (середина I в. до н.э. - 2-я половина V в.) / Автореф. дисс. ... д. и. н. К., 1991. С. 25; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. К., 1994. С. 123; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 157; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. С. 16. В начале 90-х гг. на этих позициях стояли также А.И. Айбабин и В.А. Сидоренко.

¹⁸ Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч.1. // Известия Российской Академии истории материальной культуры (ИРАИМК). 1921. С.289.

¹⁹ Также см.: Ременников А.М. К истории сарматских племен на среднем Дунае в IV в. // УЗ КазГПИ. Вып. 12. Казань, 1957. С. 380-413.

²⁰ Шаров О.В. Рескупорид V и Константин Великий // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I. СПб., 2002. С. 210-215.

²¹ Лавров В.В. Восточные германцы в Приазовье в III-IV вв. // Stratum+. 2000. № 4. С. 331-341.

²² Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 92-93; Zosime. Histoire nouvelle / F. Paschous. P., 1971. V. I. P. 213. № 31.

В.М. Зубарь, следуя Константину Багрянородному, принимает 330-е гг. за время еще одной (или двух) войн Херсонеса и Боспора²³. Аргументы – четыре клада с последними монетами 328-329 гг. (два из них – в районе Судака)²⁴, постройка стены на Тамани архитектором Евтихом в 335 г. (КБН 1112), сокрытие ряда кладов на азиатском Боспоре 336 г. Быть может, на европейском Боспоре в это время появился узурпатор, вступивший в войну с Херсонесом, а Рескупорид VI укрылся на азиатской стороне²⁵. Возведение комплекса боспорской крепости на горе Опук (с гарнизоном из готов-федератов) В.К. Голенко связывает с последним этапом херсонесско-боспорских войн – ок. 336 г.²⁶ Со сходных позиций выступил и В.Ю. Юрочкин²⁷. Однако, К. Цукерман и А.И. Айбабин отвергают информацию Константина Багрянородного о войнах Херсонеса с Боспором (а также о походе херсонесцев на Дунай и о баллистариях)²⁸. Приведя массу неточностей в тексте Константина, Цукерман выявил незнание Порфиригеном исторических реалий IV в. в регионе и подверг критике всю 53 главу. Соглашаясь в целом с источниковедческой оценкой труда Порфиригениа, мы, вместе с тем, полагаем, что предстоит еще большая работа по интерпретации действительно имеющихся кладов и прочих археологических реалий 1-й пол. IV в. на западе и востоке Боспора и выявлению в данном источнике достоверной информации²⁹, а ее не может не быть, как справедливо указал В.М. Зубарь³⁰. Связь войн с монетными кладами проводит в регионе и С.Ю. Сапрыкин³¹.

Очень важным является факт нахождения в Керчи двух серебряных фиал или пater, относящихся к категории вотивных сосудов, а также блюда с изображением Констанция II³². Им посвящена обширная, в том числе и новейшая, литература. Эти чаши были, несомненно, подарены представителям высшей боспорской знати, а может быть и правителям Боспора римской администрацией³³. Сложнее решить вопрос об общем характере взаимоотношений Боспора с Римом в середине 40-х гг. Были ли эти дары Констанция II простым актом уважения знатным пантикапейцам за твердую проримскую ориентацию, или положение было сложнее? В.Д. Блаватский предполагает, что при Рескупориде и его преемниках Боспор довольно прочно входил в орбиту римского влияния³⁴. Учитывая общее состояние империи при Констанции, с этим можно согласиться.

В середине IV в. Рим, скорее всего, прекратил предоставление субсидий для Боспора. Указание на это содержит известный факт отправки боспорских послов к Юлиану в 362 г. с настоятельной просьбой о помощи (Amm. Marc. XXII. 7, 10). Анализируя этот отрывок, обычно подчеркивают страх боспорян в условиях начавшегося передвижения гуннов и их стремление заручиться помощью империи. Но при этом обычно забывают, что кроме боспорян к императору ехали послы также и «неведомых народов». И это были, скорее всего, представители каких-то племен гуннского союза, ибо аланы были известны

²³ Зубарь В.М. Таврика и Римская империя. К., 2004. С. 188-190.

²⁴ Исанчури Р.А., Исанчури Е.Р. Монетное дело царя Радамсада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. 15. М., 1989. С. 90-92.

²⁵ Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 158; Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. С. 17.

²⁶ Голенко В.К. К вопросу о времени сооружения «цитадели» на горе Опук // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999. С. 47.

²⁷ Юрочкин В.Ю. Этнополитическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 279-282; его же: Судакский регион в геополитической истории позднеантичной Таврики // Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Киев-Судак, 2002. С. 280-283.

²⁸ Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 48.

²⁹ См., например: Ярцев С.В. Античный мир и варвары Северного Причерноморья в первых сюжетах «Повествования о крепости Херсон» Константина Багрянородного // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, Политология, Экономика. Белгород, 2008 (в печати).

³⁰ Зубарь В.М. По поводу присутствия римских войск в Херсонесе во второй пол. III – на рубеже IV-V вв. // *Stratum+*. 2000. № 4. С. 291-302; его же: Таврика и Римская империя. К., 2004. С. 189-200.

³¹ Сапрыкин С.Ю. Денежное обращение на хоре Херсонеса Таврического в античную эпоху. М., 2005. С. 185-186, 190.

³² Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926. С. 9.

³³ Блаватский В.Д. Боспор в позднеантичное время. С. 250; Midd M. *Studies in the Reign of Constantius II*. N.Y., 1989.

³⁴ Там же.

в империи с I в. н.э., а готы - с III в. Таким образом, картина гуннского нашествия предстает далеко не однозначной. Припонтийские степи могли стать для этих племен родными уже за полвека до данных событий³⁵. Также трудно допустить, чтобы Боспор мог в это время, опасаясь нападения, обещать платить регулярную дань Риму, тем более, что ранее Боспор получал субсидии от империи³⁶.

Активность Херсонеса в его политике в Таврике в конечном счете определялась империей. На протяжении всего позднеантичного периода Херсонес был тесно связан с римской администрацией – префектурой Востока³⁷. В позднеантичный период прямая военная помощь была заменена субсидиями на содержание гарнизона города и союзников-готов, осевших в окрестностях Херсонеса и на Южном берегу³⁸. В районе Балаклавы в III – начале IV вв. еще действовала римская военная база (IV строительный период)³⁹. Это – отдаленная периферия Херсонеса, которую контролировал V Македонский легион. Большой процент лепной керамики говорит о варваризации населения канабы и об относительном упадке экономики.

Регулярного римского военного присутствия в Херсонесе во 2-й пол. III – I пол. IV вв. не было. Это доказывается перестройками данного времени в цитадели, где часть казарменных построек была занята под обжигательные печи, а бассейн терм перестроен в небольшие новые термы.

Новые надписи указывают, что имело место локальное размещение войск, которое не было стационарным, следовательно, отряд во главе с протектором (трибуном) прибыл для решения экстраординарной проблемы (для этого и использовались части полевой армии)⁴⁰. Эти римские части - вексилляции I Итальянского и II Геркулийского легионов⁴¹. После войн с Боспором войска были выведены в Подунавье.

Надпись 370-375 гг. Домиция Модеста упоминает о баллистариях, которые в состав регулярной армии империи не входили⁴².

Об имперском военном присутствии в Херсонесе в IV в. говорит то, что в цитадели возводится здание вексилляции, казармы, терм, претория. Однако, картина римско-херсонесских отношений на рубеже III – IV вв. и в течение IV в. еще далека даже от относительной полноты. На протяжении IV в. отношения Херсонеса с империей строились на союзной основе; юридически город в состав империи не входил.

Византийская дипломатия в Северном Причерноморье (V в.). Начиная с гуннского нашествия конца IV в. империя, центр которой теперь находился в Константинополе⁴³, испытав постепенное политическое оформление в качестве Восточно-Римской, больше не имея возможностей для прямого вмешательства, перешла к активной дипломатической политике в регионе Северного Причерноморья, как и в других зонах варварской периферии⁴⁴.

³⁵ В.П. Яйленко полагает, что гунны могли проникнуть к Понту уже во II в. н.э., но империи не были хорошо известны. См.: Яйленко В.П. Гунно-булгары II-V вв. н.э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропоники // Древности Боспора (ДБ). 5. 2002. С. 317.

³⁶ Блаватский В.Д. Боспор в позднеантичное время. С. 251.

³⁷ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя: очерки военно-политической истории. К., 1994. – С. 148.

³⁸ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя (сер. I в. до н.э. – 2 пол. V в.). С.25.

³⁹ Сарновский Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Warschau, 2000. С. 155.

⁴⁰ Зубарь В.М. Таврика и Римская империя. К., 2004. С. 183-190.

⁴¹ Соломоник Э.И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. №№ 12, 53, 60; Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсонеса в IV в. // Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии (МАИЭТ). IV. Симферополь, 1995. С. 553-558; Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийская Крыма. Симферополь, 1999. С. 50; Зубарь В.М. Таврика и Римская империя. К., 2004. С. 187-188.

⁴² Зубарь В.М., Сарновский Т., Антонова И.А. Новая латинская надпись из раскопок цитадели и некоторые вопросы позднеантичной истории Херсонеса // ANAXAPΣIΣ. Херсонесский сборник. XI. Севастополь, 2001. С. 106.

⁴³ Глушанин Е.П., Фаращян Е.В. Формирование государственного суверенитета Ранней Византии // Европа. Вып.2. Тюмень, 2002. С. 11-22; Глушанин Е.П. Раздел Римской империи 364 г. И начало византийского государства // Византийское государство в IV-XV вв. Центр и периферия. Барнаул, 1998. С. 4-8.

⁴⁴ Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. С. 161-166; Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // Actes du XIIe Congress International d'Etudes byzantines. V.1. Belgrade, 1964. P. 122-134; Thompson E.A. The Foreign Policy of Theodosius II and Marcian // Hermathena. 76. 1950. P. 56 sq.

При этом надо помнить о том, что дипломатия как особый способ международных отношений, противоположный войне, еще не сформировалась. Речь идет лишь об отдельных составляющих дипломатии⁴⁵.

В целом византийское правительство в рамках стратегической политики обороны проводило целый комплекс мероприятий, которые должны были воспрепятствовать проникновению варваров в пределы империи⁴⁶.

В системе правовых норм, регулировавших отношения империи с соседями-варварами, возникшей в IV-V вв., важное место занимали меры по охране приморской полосы, контролю над судами, законодательство о форме брачных союзов и союзов побратимства, в которых выражались связи пограничных жителей с варварами⁴⁷. Распоряжения правительства Византии по охране границ подчеркивают особый характер политических порядков на византийских окраинах и служат лучшим комментарием к статьям договоров с варварами⁴⁸.

Херсонес в то время являлся не только торговым центром, но и центром дипломатического влияния, и исходным пунктом религиозных и дипломатических миссий⁴⁹.

Влияние империи в Юго-Западной Таврике, исходившее через Херсонес, в данный период неуклонно возрастало. Этапы роста византийского влияния: 1) варварское население ближней округи Херсонеса становится федератами – с начала V в.; 2) ремонт стен Херсона – к сер. VI в.; 3) крепости на Южном берегу Крыма – Алустон, Горзувиты, позднее – Сугдея – с конца VI в.; 4) расширение вглубь Юго-Западного Крыма, «длинные стены»⁵⁰. Этап дипломатии, как видим, охватывает в основном V век.

Судя по происходящему из Херсонеса фрагменту декрета, Феодосий I, а затем в 408 г. и Гонорий разрешили варварам-федератам селиться в Херсонесе и его округе⁵¹. После некоторого перерыва, во 2-й пол. V в. Византия, вероятно, продолжила политику расселения федератов в Юго-Западном Крыму⁵². Византийский термин «энспондой» (федераты) несколько отличался от латинского. Энспондой имели меньший политический вес, расселялись скорее за границами империи, чем внутри них⁵³. Чем сильнее империя клонилась к упадку, тем с большим уважением там относились к федератам. При Юстиниане даже стала зарождаться новая терминология⁵⁴, признававшая варваров на словах высшей знатью империи.

Важным инструментом распространения влияния империи была торговля⁵⁵. Широкое развитие торговли в ранней Византии было тесно связано с наличием многочисленных городов, находившихся в цветущем состоянии. Некоторые «стратегические» товары, которые могли оказать влияние на политику по отношению к варварам, находились

⁴⁵ Нечаева Е.Н. Представления о дипломатии в эпоху поздней античности // Жебелёвские чтения – 5. СПб., 2003.

⁴⁶ Ермолова И.Е. Варвары в кодексах Феодосия и Юстиниана // Античность в современном измерении. Казань, 2001. С. 51-53.

⁴⁷ Шангин М.А. Византийские мероприятия по охране границ // Историк-марксист. Т.3. М., 1939. С. 89-92.

⁴⁸ Иванов С.А. Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; Ahrweiler H. La Frontiere et les frontieres de Byzance en Orient // Byzance: le pays et les territoires. L., 1976; Liebeschuetz J.H.G.W. Barbarians and Bishops: Army, Church and State in the Age of Arcadius and Chrysostom. Oxf., 1991.

⁴⁹ Каждан А.П. Византийские города в VII-XI вв. // Советская археология (СА). 21. 1954. С.187.

⁵⁰ Герцен А.И. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Международная конференция «Византия и Крым». Симферополь, 1997. С.34.

⁵¹ Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. I. Симферополь, 1990. С.67.

⁵² Сидоренко В.А. Федераты Византии в Юго-Западном Крыму (последняя четверть III - начало VIII вв.) / Автореф. канд. дисс. СПб., 1994.

⁵³ Maspero J. Феодератои et Стратиготат в l'armee Byzantine au vi-e siecle // BZ. 1912. P. 21.

⁵⁴ Иванов С.А. Крымские готы и их место во внешнеполитической доктрине Юстиниана // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Симферополь, 1994. С.23.

⁵⁵ См.: Болгов Н.Н. Позднеантичная Таврика как контактная зона (торговый аспект) // Торговля и торговец в античном мире. М., 1997. С. 127-140; Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в. н.э. (на материалах Херсонеса). Харьков, 1989 и др.

под контролем властей. Так, по закону 370-375 гг. не допускалась продажа варварам вина, масла, соленой рыбы (CJ. 4, 63.5). Указ 374 г. запрещал платить варварам за товары золотом. При Маркиане (455-457) в 456 г. полностью запрещается продажа варварам оружия: панцирей, щитов, стрел, мечей, железа вообще (CJ. IV. 41, 2; Procop. BG. VIII. 15, 20), хотя эта торговля ограничивалась еще с начала III в. (Digest. XXXIX. 4, 11; XLVIII. 4, 1-4). Это была ликвидация последнего пробела в законодательстве. Отныне смертной казнью каралась продажа любого оружия и железа любому варвару или представителю варваров⁵⁶. Прокопий сто лет спустя отмечает, что этот закон все еще действует. Запрет касался всех варваров, а не только враждебных (CJ. IV. 41, 1; 63.2). Тем не менее, торговля с варварами в той или иной форме продолжалась в «гражданской» сфере⁵⁷.

В 420 г. были приняты меры, чтобы запрещенные товары не попали к варварам морским путем: при отплытии любого судна чиновники должны были выяснить, куда и с чем оно направляется (CTh. VII. 16, 3; CJ. XII. 44 (45), 1).

В 419 г. епископ Херсонеса Асклепиад обратился к императору с прошением освободить людей, осужденных за то, что они раскрыли варварам секреты кораблестроения. Император помиловал осужденных, но пригрозил смертью всем, кто поступит так в будущем (CTh. IX. 40, 24).

В эксцерпте «О посольствах» сохранились сведения о крупных дипломатических миссиях к северопонтийским кочевникам. Так, посольство, описанное Олимпиодором, было направлено в 412 г. к гуннам Северо-Западного Причерноморья (вождь Харатон) имперским правительством.

В середине V в. посольства из Константинополя отправлялись и к Атилe (известный фрагмент Приска).

Во 2-й пол. V в. в северопонтийском регионе византийцы напряженно интриговали между утигурами и кутригурами, подогревая противоречия между ними (Прокопий Кесарийский). Империя поддерживала утигуров против кутригуров. Кроме того, здесь обитали и пришедшие из Предкавказья ок. 463 г. более мелкие гуннские племена – сарагуры, оногуры, уроги, с которыми империя поддерживала отношения, принимала послов (Prisc. IV. 30; 37). Уже в V в. эти племена использовались для давления на Персию.

В целом период V в. был временем стратегического отступления империи, которая, не присутствуя в регионе прямо и непосредственно, тем не менее, активно участвовала во взаимоотношениях племен вокруг античных центров Северного Причерноморья. Безусловно, суть византийской дипломатии в этот период состояла в обеспечении собственной безопасности от варваров Северного Понта как бы «через голову» Херсонеса и особенно Боспора. Если Херсонес в отдельные промежутки времени в большей или меньшей степени продолжал выполнять свои функции форпоста империи в регионе, то Боспор фактически был предоставлен своей участи, несмотря на то, что в 483 (503) г. при царе Дуптуне официально использовалось прежнее династическое имя – Тиберии-Юлии, т.е. четко обозначены проримские симпатии.

К концу V в. степень фактической власти империи в Херсонесе значительно возросла (надпись императора Зенона 488 г.). Акта о вхождении города в состав империи мы не имеем, но в течение V в. здесь вводятся многие имперские должности. Существует огромная литература, как о проблемах политического строя города, так и византийской аннексии. Не ставя здесь задачей новое рассмотрение этого вопроса, ограничимся признанием несомненного факта фактической тесной интеграции города и империи.

К концу V в., по-видимому, уже вполне определилось положение города в геополитической системе византийских владений того времени. Из дозорного пункта Херсонес вновь превращается в опорный пункт империи. В конце V в. при Зеноне, видимо, была одержана некая победа над гуннами, позволившая империи взяться за укрепление своих позиций. С этого времени также шел процесс подчинения империи окружавшего Херсонес местного населения Юго-Западного Крыма. Характерно, что в ранневизантийской традиции, в восприятии столичных жителей Херсонес слывет городом варварским и даже «городом готов» или городом «в стране тавро-скифов».

⁵⁶ Томпсон Э.А. Римляне и варвары. СПб., 2003. С. 14-15.

⁵⁷ Домановский А.Н. Государственный контроль за иноземными торговцами в пределах Византийской империи в IV-VI вв. // Россия-Крым-Балканы: диалог культур. Екатеринбург, 2004. С. 49; Бардола К.Ю. Некоторые аспекты таможенной политики Ранней Византии // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Харків, 2001. С. 35.

На территории города в конце V в. основное внимание было уделено юго-восточному узлу обороны (цитадель), где в римское время стоял имперский гарнизон.

Византийское утверждение в регионе (VI в.). Судьбы позднеантичного Боспора нашли свое завершение в VI веке. В начале этого столетия регион вновь попадает в сферу внимания авторов письменных источников, что связано с активизацией здесь политики Византии. «Византийское правительство, опекая свои интересы на дальней окраине Тавриды, ...не могло более спокойно относиться к владычеству гуннов в степях полуострова»⁵⁸.

При Юстине (518-527) «боспориты отдали себя под власть императора» (Procop. *Bello Pers.*, I.12, 8), что означало признание зависимости от империи и вхождение в «христианскую ойкумену»⁵⁹. Юстин отправил в Боспор патрикия Проба, племянника прежнего императора Анастасия, чтобы склонить утигуров прийти на помощь иверам против персов. Раздираемые внутренними распрями варвары не выполнили просьбу, зато на Боспоре высадили византийский отряд и поставил страну под непосредственный контроль империи (около 523 г.).

Видимо, под влиянием миссионеров вождь утигуров Грод (Гордас) решил креститься и для этого поехал в Константинополь. Там над ним и было совершено таинство крещения, причем восприемником гунна был сам император. После этого Грод получил пышный имперский титул патрикия и был отправлен на Боспор «блюсти интересы империи». Рьяно взявшийся за христианизацию сородичей наместник пал жертвой гуннского мятежа по наущению гуннских жрецов. Не пожелавшие принять христианство гунны убили Грода⁶⁰. В результате византийский отряд был уничтожен, город Боспор был захвачен варварами, многие города Боспора подверглись погромам (Тиритака⁶¹, Зенонов Херсонес и др., главным образом, на европейской стороне). Этот мятеж привел к временному восстановлению гуннского господства в районе Боспора⁶². Здесь мы видим редкий случай того, когда крещение вождя не привело к крещению его народа⁶³.

Значительность боевых сил, посылаемых к Боспору после того, как гунны, противники Грода, перебили упомянутый гарнизон, обусловлена, может быть, не столько опасностью от гуннов, которые покидают город при первых слухах о приближении имперских сил, сколько необходимостью поддержать авторитет недавно приобретенной власти перед самим населением города⁶⁴.

Вскоре после этих событий Юстиниан высадил на Боспоре войска (Theophan. под 534 г.; Malala, 433). Прокопий в речи армянских послов к персидскому шаху перечислил последние успехи Юстиниана: «Разве не послал он своих военачальников к жителям Боспора и не подчинил своей власти город, совершенно ему не принадлежавший?» (Procop. II.3, 40). «И стал жить в мире Боспор под управлением римлян», - заключает Иоанн Малала (433). По его же сообщению, в I пол. VI в. гунны, жившие близ Боспора, приняли христианство (481).

Таким образом, был создан единый блок византийских владений в Крыму от Херсона до Боспора.

Присоединение к империи северопонтийских позднеантичных центров привело к более четкой дифференциации в отношении империи к местным грекам и варварам. Так, Юстиниан принимал меры для выяснения, не отправлено ли к варварам из района проливов (Боспор Фракийский) «что-либо из вещей». Запрещенных к вывозу с римской территории (Expos. Tot. Mund. XXII).

Имперская граница была закреплена цепью крепостей, которую некоторые специалисты называют таврическим лимесом⁶⁵. По нашему мнению, под классическое опре-

⁵⁸ Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2 // ИГАИМК. V. Л., 1927. С. 179.

⁵⁹ Храпунов М.И. З приводу часу входження Боспору до складу Візантії // Археологія. 2005. № 1. С. 29-30.

⁶⁰ История Грода Гуннского, боспорского мученика // Православные древности Таврики. К., 2002. С. 179-181.

⁶¹ Сазанов А.В. Результаты исследования поздних слоев городища Тиритаки // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Керчь, 1984. С. 17.

⁶² Храпунов М.И. З приводу часу входження Боспору до складу Візантії. С. 30.

⁶³ Томпсон Э. Римляне и варвары. С. 218.

⁶⁴ Шестаков С.П. Очерки по истории Херсонеса в VI-X вв. по Р.Х. М., 1908. С.9.

⁶⁵ В 1996 г. мы некритически упомянули о лимесе в одной из работ: Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 62. Теперь мы склоняемся к тому, что для лимеса линия укреплений в Таврике была недостаточна.

деление лимеса таврические укрепления не подходят, особенно в районе Боспора. Юстиниан развернул широкую строительную программу в регионе (Procop. De aedif., III.7), которая охватила 30-40-е гг. Образцовым памятником византийской крепости является Ильичевское городище⁶⁶.

Но и этот период также не был мирным. Незадолго до 545 г. Фанагория и Кепы были захвачены гуннами и разрушены (Procop. Bello Goth. VIII.5, 28-29). Интересно, что Кепы и Фанагурис ошибочно помещены Прокопием близ Херсона. Видимо, после этих событий Византия сохранила за собой на азиатской стороне лишь остров Киммериду. Трудно сказать, что вызвало рецидив агрессивности утигуров, - возможно, запоздалое понимание того, что Византия пришла сюда «всерьез и надолго»⁶⁷.

В 575 г. была издана новелла Тиберия об освобождении Боспора и Херсона от морской повинности⁶⁸. А уже через год город Боспор и его окрестности были взяты тюркютским отрядом во главе с Турксанфом. Это вторжение принесло значительные разрушения, видимо, самые крупные после готских походов III в.⁶⁹, но вряд ли их можно назвать катастрофическими. Византия впоследствии еще не раз возвращала себе Боспор⁷⁰, но более важно другое: изменения в материальной культуре и образе жизни обитателей Боспора с конца VI – VII вв. стали необратимыми⁷¹. Это – истинный рубеж Средневековья. Почти одновременно Юстин II отказывается платить варварам, что знаменует перелом в отношениях империи с варварами: империя выстояла, а поток Великого переселения народов пошел на спад⁷².

В течение VI в. политика империи на Боспора претерпела ряд этапов: 1) военное присутствие в отдельной административной единице с объединением военной и фискальной власти в руках командира имперского гарнизона при помощи союзных гуннов; 2) прямая власть империи административном округе двух уровней: трибун – командир гарнизона и глава налогового ведомства; архонт – глава гражданского аппарата; 3) Боспор – часть провинции Херсон, включавшей все южное побережье, во главе с дуксом.

Империя не имела здесь особой программы интеграции данных территорий, а скорее просто приспособлялась к менявшейся ситуации. Пограничное положение Таврики заставляло концентрировать военную, фискальную и гражданскую власть в руках военных командиров. Наряду с этим сохранялись прежние муниципальные органы власти⁷³.

В Херсонесе при Юстиниане, по мнению А.Л. Якобсона, в рамках реставрационной политики империи, были построены новые участки оборонительных стен, а также вся приморская и береговая оборонительные линии⁷⁴. И.А. Антонова к этому времени относит 17 куртину, повышение высоты 19 куртины и передовой стены, работы на 20 куртине и башне XVII. В VI-VII вв. в цитадели Херсона находились военный лагерь и, скорее всего, ставка городского правителя – дуки.

Крупные крепости, создававшиеся в Юго-Западном Крыму в соответствии с достижениями и канонами ранневизантийской фортификации – не результат развития традиций предшествующей эпохи. Здесь нет субстрата античного времени. Византийский облик крепостей дополняется наличием больших базилик, возводившихся обычно в центре укрепленных территорий, с учетом возможности созерцать храмы с большого расстояния. Памятники этого района принадлежат, в основном, византизированной культуре, которая сложилась здесь в эпоху Великого переселения народов.

⁶⁶ Николаева Э.Я. Раскопки Ильичевского городища // Проблемы античной истории и культуры (Эйрене XIV). Т. 2. Ереван, 1979. С. 378-379.

⁶⁷ О византийской дипломатии в отношении гуннских племен и тетракситов Северного Причерноморья в VI в. см.: Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 109-144.

⁶⁸ Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2. С. 183.

⁶⁹ Николаева Э.Я. Боспор после гуннского нашествия / Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1984. С. 21.

⁷⁰ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. СПб., 1993. С. 50.

⁷¹ Макарова Т.И. Средневековый Корчев по раскопкам 1963 г. в Керчи // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). 104. 1965. С. 76.

⁷² Сорочан С.Б. Око и щит империи. Херсонес к концу правления Юстиниана I и при его ближайших преемниках // БИ. V. 2004. С. 323.

⁷³ Храпунов Н.И. Администрация византийского Боспора в VI веке // Боспор Киммерийский и варварский мир в эпоху античности и средневековья. Керчь, 2004. С. 382-383.

⁷⁴ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. М.-Л., 1959. С. 66-114.

По всей видимости, именно политика Византии в Крыму в VI в. способствовала общей стабилизации положения, окончанию перемещений племен. С сер. VI в. в Юго-Западном Крыму резко увеличивается численность населения (появление новых некрополей, рост числа погребений, новые крепости)⁷⁵.

В конце VI в. в Херсонесе начинается активное храмовое строительство, явно при поддержке имперских властей. Херсон превращается в провинциальный центр отдельного регионального командования в лице дукса и, очевидно, рассматривался как составная часть соответствующей византийской епархии⁷⁶.

В 598 г. заключается мирный договор империи с тюрками – краеугольный камень византийской политики в регионе, на 200 лет вперед определивший ее основные направления⁷⁷.

Византийская политика в регионе отличалась двойственностью. Империя всегда пыталась удержать здесь плацдарм для военных операций, торговли и дипломатического обмена. Но вместе с тем она почти всегда предпочитала не рисковать собственными силами, а иметь барьер из зависимых племен и натравливать наиболее опасных соседей друг на друга⁷⁸.

Эволюция имперской политики в регионе определялась общим состоянием, стратегическими и тактическими задачами, которые решала империя в Северном Причерноморье.

Целиком в русле ранневизантийской политики находится также политика создания лимитрофной области федератов в Юго-Западном Крыму близ Херсонеса⁷⁹. Хотя статус этого района продолжает вызывать споры, все же общее направление политики Византии здесь видно вполне четко. Так же византийцы вели себя и в отношении филархов (вождей) арабов, гуннов, армянских князей⁸⁰ и пр., пока из глубин Аравии не выплеснулось море исламских воинов в VII в., полностью опрокинувшее политику империи в отношении ее варварской периферии и лишившее ее половины территории.

MAIN PROBLEMS OF EASTERN ROMAN AND EARLY BYZANTINIAN POLICY ON A NORTHERN PONTUS (HALF III – VI AD)

This article include a research of main problems of foreign policy of Eastern Roman & Early Byzantinian Empire toward a Northern Pontus – late ancient states and neighbours tribes – at a time of Great Migrations (half III – VI AD). This Policy was changed from traditionally roman in final phase, across a period of tribes Diplomacy to incorporation of late ancient states to Early Byzantium. A main cause of this changing was a transformation of Empire and different possibilities of State for active foreign Policy.

Key words: Empire, Pontus, Black Sea Coast, Bosphorus, Chersonesus in Crimea, barbarians, Policy, Diplomacy, Byzantium.

N.N. BOLGOV

Belgorod State University

⁷⁵ Пиоро И.С. Крымская Готия. К., 1990. С. 134-135.

⁷⁶ Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Харьков, 2005. С. 176.

⁷⁷ Там же. С. 175.

⁷⁸ Дагрон Ж. Двуликий Крым (IV-X вв.) // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000. С. 300. Ср.: Дюно Ж.-Ф., Ариньон Ж.-П. Понятие «граница» у Прокопия Кесарийского и Константина Багрянородного // Византийский временник (ВВ). 43. 1982. С. 64-73.

⁷⁹ Археологический контекст: Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. IV. Симферополь, 1995. С. 57 и целый ряд др. работ.

⁸⁰ См.: Адонц Н.Г. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971.